

Л.В. СЛУЦКАЯ

ФЕНОМЕН ТОТАЛИТАРИЗМА В СОВРЕМЕННОЙ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОЙ ПОЛИТОЛОГИИ

Предлагается обзор современного состояния научных исследований феномена тоталитаризма в европейской политологии. Рассмотрение представлений о тоталитаризме позволяет обрисовать контуры современного исследовательского поля, научную терминологию.

This article provides an overview of the current status of research of the phenomenon of totalitarianism in European political science. Consideration of the submissions of totalitarianism allows labeling contours of modern research fields and scientific terminology.

Феномен тоталитаризма не перестает привлекать к себе внимание зарубежных и отечественных исследователей, оставаясь одним из центральных объектов изучения современной политической науки.

Проблематика тоталитаризма стала предметом политологического дискурса фактически с появления данного термина в 1920-е гг. Попытка дать научную трактовку феномену тоталитаризма впервые была сделана западными и российскими учеными – Ф. Боркенау, В. Гурианом, Н.А. Бердяевым, И.А. Ильиным, П.А. Сорокиным и др. В 1940-е гг. наиболее яркими представителями в изучении данного феномена стали Ф. фон Хайек и К. Поппер, которые развивали идею об извечной дихотомии либерального и тоталитарного начал в жизни социума.

Тем не менее научно теория тоталитаризма оформилась в послевоенное время. Ее наиболее известными исследователями стали Х. Арндт, Э. Бжезинский, К. Фридрих, Р. Арон, Р. Такер и др., предложившие аналитическую концепцию тоталитарного общества, которая обобщала политическую практику фашистской Италии, нацистской Германии и сталинского СССР, противопоставляя ее западной демократии.

В 1970–1980-е гг. широкое распространение получило исследование функционирования и эволюции тоталитаризма с использованием методов из арсенала смежных наук. Попытки создания описательной тоталитарной теории предпринимались на основе психоаналитических (Э. Фромм) методов с применением методик «авторитарного типа личности» (Т. Адорно) на базе политико-культурных (Г. Алмонд, С. Верба), системных (К. Дойч) исследований.

Однако эти концепции рассматривали тоталитарный феномен как совокупность однородных движений и режимов, делая акцент на определяющих признаках. Поэтому основное внимание в них было сосредоточено не столько на конкретной политической системе, сколько на том, какой она должна быть.

Рубеж XX–XXI вв. стал для западной политической науки очередным этапом в исследовании концепта тоталитаризма, в котором главное внимание сосредоточено не столько на организации власти при тоталитарных режимах, сколько на ее системе ценностей и выявлении структурного сходства между отдельными формами тоталитаризма.

Диапазон проблем, рассматриваемых европейскими исследователями тоталитаризма, столь широк, что не представляется возможным в полной мере осветить все вопросы в одной обзорной статье. По этой причине здесь упомянуты лишь несколько избранных проблем, которые являются особо интересными и иллюстрируют основной спектр научных исследований феномена тоталитаризма в европейской политологии.

С 2000 по 2004 г. в Париже проводились коллоквиумы по тоталитаризму, организованные Национальным центром научных исследований (CNRS), Университетом Париж X и Национальным фондом

политических наук, на которых ведущие европейские политологи и историки попытались осмыслить тоталитарный феномен от истоков до современных форм. Материалы коллоквиумов вошли в четыре сборника, изданных под редакцией известного французского историка, редактора журнала «Коммунизм», автора нашумевшей работы «Черная книга коммунизма» Стефана Куртуа. В первом сборнике дан анализ истоков тоталитаризма¹, второй посвящен апогею тоталитарных режимов и движений², в третьем внимание сосредоточено на современных аспектах проблемы³, в последнем – на вопросах логики тоталитаризма в Европе⁴. В коллективном труде предпринята попытка охватить весь спектр современных европейских исследований данного феномена, представлены различные концепции, а их тщательный отбор и компетентное представление редактором делают издание особенно ценным. Несмотря на множество подходов к феномену тоталитаризма, характерных для современной европейской научной среды, они образуют определенное концептуальное единство и позволяют выделить характерные черты современной теории тоталитаризма, которая сосредоточена на анализе отношений власти и общества и его ценностной системе.

В ряду данных исследований особый интерес представляет концепция «тоталитарного мышления» немецкого политолога, заместителя директора Института исследования тоталитаризма им. Х. Арндт при Дрезденском техническом университете Уве Бакеса. Магистральной темой его работ являются факторы развития и история концепта «тоталитарное мышление», а также его влияние на практику власти. Немецкий политолог справедливо отметил, что большинство исследователей тоталитаризма интересовались в первую очередь устройством аппарата тоталитарного государства, а не «интеллектуальной архитектурой ориентационных и ценностных систем», поэтому логика «тоталитарной мысли» описана наукой более фрагментарно, чем организация «тоталитарной власти»⁵. Хотя первым шагом на пути к исследованию системы ценностей можно назвать концепцию Р. Арона⁶, который отнес тоталитарную идеологию к «политической» или «светской» религии и книгу Р. Лифтона 1961 г. «Китайское изменение мысли и психология тотализма»⁷, однако в их трудах незаметна грань между тоталитарными и традиционными религиями, следствием чего могли стать обвинения в адрес классических религий. Рассматривая логику тоталитарной мысли, современные исследователи особое значение придают понятию «политическая религия», пытаясь найти для тоталитарных идеологий нейтральную по смыслу формулу: «сциентистско-мессианская» (С. Куртуа)⁸, «мессианский унанизм» (Б. Брюнето)⁹ и даже «антиидеологическая» идеология (Э. Джентиле)¹⁰.

Наиболее удачным оказался термин, предложенный У. Бакесом, «доктрины земного спасения», который позволяет четко отделить «политические религии» тоталитаризма от классических религий: «В феноменологической перспективе религий тоталитарные идеологии представляются не просто в качестве функционального эквивалента религиозных доктрин спасения, но типологически и интеллектуально приближаются к ним, по крайней мере, в их “хилиастических”, “гностических” и “манихейских” формах», – отмечает он¹¹.

Феномен тоталитаризма ограничен историческими рамками, однако образ мышления, который сделал возможным его появление, имеет более древнее происхождение и характеризуется определенными чертами. Чтобы выявить природу устремлений тоталитаризма, необходимо изучить образ мышления, лежащий в его основе. По мнению У. Бакеса, истоки такого мышления идут из «определенных элементарных потребностей, желаний и страстей, которые глубоко укоренены в структуре человеческой психики. Это стремление к безопасности, преодолению сложности в жизненных отношениях, ясности, к состоянию, в котором человек как часть входит в состав целого»¹².

Главным признаком тоталитарного мышления, по мнению У. Бакеса, является «претензия на знание абсолютной истины и идеала», которая в итоге порождает «фанатический пыл, оправдывающий любые средства, ведущие к цели»¹³. Еще одним из важных признаков тоталитарного мышления, сулящего надежду на спасение в этом мире, будет стремление к «созданию нового человека, который в состоянии просветления, обладая абсолютной истиной, порывает со всем существовавшим ранее, взрывает ограничения земного бытия и создает царство небесное на земле»¹⁴. Для этого немецкий исследователь использует «идею единства» и предлагает основу для «объективного» и всеобъемлющего определения общего блага¹⁵. Согласно его концепции тоталитарное мышление стремится к монополизации власти, для чего абсолютно необходимой является «зачистка» политического пространства.

Французский историк С. Куртуа, анализируя тоталитарный феномен в его институциональной фазе, характеризует его следующим образом: «...власть, которая стремится к тотальному господству над обществом посредством утверждения трех монополий. Самая сильная – политическая монополия, которая позволяет единственной партии подчинять волю индивидов, уничтожает правовое государство, объединяя исполнительную, законодательную и судебную власть под властью одной партии, создавая предвзятое государство... Вторая монополия – интеллектуальная... опираясь на огромную систему пропаганды и агитации, обеспечивает господство одной-единственной и обязательной идеологии. Последняя монополия, свойственная коммунистическому тоталитаризму, – экономи-

ческая, которая после уничтожения принципа частной собственности на средства производства и рыночных механизмов добивается властного контроля над огромной частью производства и распределения, обеспечивая тем самым покорность основной части»¹⁶. В данном определении акцент сделан в первую очередь на аналогии отношений в тоталитарной системе, что позволяет говорить о концентрации внимания на отношении власти и общества.

Такой подход характерен и для известного итальянского историка Эмилио Джентиле, сосредоточившего свое внимание на анализе концепции тоталитарного фашизма. По его мнению, итальянский тоталитаризм «был результатом синтеза между идеологией и практикой боевых фашистских организаций (squadismo) и антилиберальной и антидемократической культуры, сформированной в Италии в течение двух первых десятилетий XX в. вокруг революционного мифа «нового государства»». Эта концепция была основана на утверждении примата политики, имеется в виду тотальное растворение частного в публичном, подчинение собственных ценностей (религиозных, культурных, моральных, любовной сферы) ценностям политическим. На самом деле эта концепция фашистского государства стала выражаться через непрерывные действия единственной партии, которая организовывала и воспитывала массы, чтобы трансформировать итальянское общество в тоталитарное¹⁷. Для Э. Джентиле фашизм – это «итальянский путь к тоталитаризму», означавший не только новую форму политического режима, но и комплексный идеологический, культурный, организационный и институциональный процесс: «Фашизм предлагал не только защиту экономического и социального порядка, основанного на частной собственности, но стремился реализовать политическую и культурную революцию через разрушение либерального режима и построение нового государства, задуманного согласно принципам и ценностям одной из новых идеологий, интегральной и палингенетической»¹⁸.

Определение тоталитаризма, предложенное Э. Джентиле, по мнению С. Куртуа, является наиболее полным, раскрывающим все стороны данного феномена: «Тоталитарный феномен можно определить как новую, небывалую форму опыта политического господства, осуществляемого революционным движением, обладающим интегральным пониманием политики и стремящимся к монополии на власть, а после захвата ее легальными или нелегальными путями уничтожающим или видоизменяющим предшествующий режим и строящим новое государство, основанное на однопартийном режиме и полицейской, террористической системе как инструменте перманентной революции против «внутренних врагов». Главная цель тоталитарного движения состоит в подчинении и преобразовании общества, а именно в его субординации, интеграции и гомогенизации на основе принципа примата политики над всеми прочими аспектами человеческого бытия. Последнее интерпретируется согласно категориям, мифам и ценностям палингенетической идеологии, узаконенной в форме политической религии, стремящейся формировать личность и массы путем антропологической революции, чтобы создать новый тип человеческого существа, нацеленного исключительно на реализацию революционных и империалистических задач тоталитарной партии. В конечном счете речь идет об основании новой цивилизации в соответствии с ультранационалистической программой»¹⁹.

Следует отметить глубокий вывод, сделанный современными европейскими исследователями: палингенетическая логика тоталитаризма приводит к созданию сложной политической религии не для обмана и манипулирования массами, а в целях создания нового человека, полностью лояльного тоталитарному режиму.

Если классические концепции тоталитаризма обычно не выходили за рамки изучения диктаторских режимов прошлого века, то современные, учитывая глубокие корни явления в социальной психологии, не считают тоталитаризм только европейским феноменом XX в., присущим Европе. Тему нового исламского тоталитаризма развивает французский политолог, основатель и руководитель Парижского исследовательского центра изучения арабских стран Антуан Басбу, который считает, что «после коричневого и красного тоталитаризмов XX века, основанных на расовой и классовой борьбе, третий тоталитаризм содержит в себе цвет ислама или авторитарного национализма, появившегося в арабском мире»²⁰. В своем исследовании он отмечает существующее отличие арабского тоталитаризма от западного: «Далекий от европейского тоталитаризма, он осуществляется во имя соблюдения воли Господней, как то было начертано в первые века Хиджры, – утверждает А. Басбу. – В отличие от европейских тоталитарных систем XX в., которые опирались на идеологии, сфабрикованные людьми, обещающими счастье в этом бренном мире, исламский тоталитаризм подчиняет общество и навязывает ему свои ценности, обещая вечное райское блаженство»²¹.

Прогнозы, сделанные А. Басбу после событий 11 сентября относительно исламского тоталитаризма, выглядят сегодня вполне оправданно. По утверждению французского политолога, после терактов 11 сентября «исламский мир взывает к реформам. Петиции более не принимаются во внимание, особенно после падения режима Саддама Хусейна и развертывания войск коалиции на Ближнем Востоке. Меморандумы требуют правового государства, общественной и индивидуальной свободы, соблюдения прав человека в гражданском обществе, свободных выборов, другими словами, разрыва с тоталитаризмом, необходимого для того, чтобы идти в ногу со временем»²².

Достаточно оригинальную трактовку феномена «капиллярного тоталитаризма» сквозь призму концепции «тотализма» предложил испанский политолог Антонио Элорса. В своей работе «ЭТА, последнее тоталитарное движение в Европе?» он ставит акцент на соединении политики и социальной психологии. Согласно А. Элорсе фундаментальное отличие классического тоталитаризма заключается в той роли, которую играет социальная составляющая капиллярного тоталитаризма. В классическом «преобладает активная роль государства или партии (фашистской или коммунистической), осуществляющих субординацию, интеграцию и гомогенизацию общества сверху вниз. Тотализм же предполагает решение эквивалентных задач при активном вмешательстве социальной базы, но не снизу вверх, а через взаимодействие низов и верхов»²³.

Исходя из сформулированных американским психиатром Робертом Лифтоном восьми критериев тотализма, А. Элорсе считает, что модели тотализма наиболее полно соответствует социальная и политическая организация исламского интегризма. «Общий знаменатель всех тотализмов состоит в стремлении сделать из “народа верующего” или “народа революционного” привилегированное действующее лицо в создании нового монолитного порядка, сакрализованного и ориентированного на непреложное исключение другого во имя общинного патриотизма, религиозного, национал-коммунистического или этнического свойства»²⁴. Испанский политолог относит ЭТА к последней категории, считая неприемлемым использование термина «тоталитаризм», поскольку в этом случае отсутствует государство или партия, организующая или контролирующая все общество.

Таким образом, за последние годы в европейской политологии были сделаны значительные шаги по направлению к новому осмыслению феномена тоталитаризма, обращенные не только на переосмысление данной концепции, но даже на изменение того языкового поля, в рамках которого она традиционно развивалась. Это отразилось в преобладании множественности моделей данного феномена: «классический» и «капиллярный», черный, красный, коричневый, зеленый тоталитаризмы. Европейские исследования тоталитарного феномена позволяют выявить и объяснить причины распространения и популярности тоталитарных идей и воззрений, которые, оформившись в определенную систему ценностей, отвечают запросам политической власти для обоснования целей, связанных с укреплением своего экономического и политического господства и расширением сфер влияния. В целом проблематика тоталитаризма не утратила актуальности и сегодня находится в поле зрения различных отраслей гуманитарного знания: политологии, философии, истории, социологии.

¹ См.: Quand tombe la nuit. Origines et émergence des régimes totalitaires en Europe, 1900–1934. Lausanne, 2001.

² См.: Une si longue nuit. L'apogée des régimes totalitaires en Europe, 1935–1953. Paris, 2002.

³ См.: Le jour se lève. L'héritage du totalitarisme en Europe, 1953–2005. Monaco, 2006.

⁴ См.: Les logiques totalitaires en Europe. Monaco, 2006.

⁵ Backes U. La pensée totalitaire // Les logiques... P. 49.

⁶ См.: Арон П. Демократия и тоталитаризм. М., 1993.

⁷ Lifton R. Thought Reform and the Psychology of Totalism: A Study of «Brainwashing» in China. New York, 1961.

⁸ См.: Courtois S. Lénine et l'invention du totalitarisme // Les logiques totalitaires en Europe. P. 205.

⁹ См.: Bruneteau B. Une logique «démocratique» pour le totalitarisme? Retour sur le paradigme de Jakob L. Talmon // Les logiques... P. 82.

¹⁰ См.: Gentile E. L'usage rationnel de l'irrationnel: le rôle du Duce et l'organisation de masse dans l'expérience totalitaire fasciste // Les logiques... P. 209.

¹¹ Backes U. Op cit. P. 49–50.

¹² Ibid. P. 50–51.

¹³ Бакес У. Тоталитарное мышление: история концепции, признаки и воздействие на практику господства // Диалог. 2006.

№ 3. С. 32–33.

¹⁴ Там же. С. 33.

¹⁵ Там же. С. 34.

¹⁶ Courtois S. Le système communiste mondial, critère d'évaluation du totalitarisme // Le jour se lève... P. 98–99.

¹⁷ См.: Gentile E. Parti, Etat et monarchie dans l'expérience totalitaire fasciste // Quand tombe la nuit... P. 250–251.

¹⁸ Ibid. P. 248–249.

¹⁹ Ibid. P. 245–246.

²⁰ Basbous A. Le radicalisme du monde islamique: vers un nouveau totalitarisme? // Le jour se lève... P. 427.

²¹ Ibid. P. 428–429.

²² Ibid. P. 444.

²³ Elorza A. ETA, dernier mouvement totalitaire en Europe? // Le jour se lève... P. 417.

²⁴ Ibid. P. 424.

Поступила в редакцию 20.03.11.

Людмила Владимировна Слуцкая – кандидат исторических наук, доцент кафедры политологии.